

КУЛИДЖАНОВУ — 70

Культура. — 1994. — 19 марта. — с. 8

Дом, в котором он живет

Совсем недавно я снова увидел фильм «Дом, в котором я живу» по телевидению и был взволнован до глубины души и памяти. Странно, когда смотрел в первый, второй и третий разы — слез почти не было, а если были, то гораздо меньше. Были радость, счастье узнавания, было хорошее волнение, которым всегда сопровождается встреча с настоящим искусством. Что это! Почему! Воспоминания о молодости нашего поколения! Наверное, отчасти и это. Но вот что я давно уже замечаю за собой и другими: мы, кто знает и помнит, что такое война и то, что было до и после нее, часто не можем удержаться от слез, увидев на экране хронику тех лет.

Фильм «Дом, в котором я живу» сделан Л. Кулиджановым и Я. Сегелем с хроникальной точностью! Но если документальная хроника прежде всего запечатлевает людей и события, то фильм художественный сохраняет точность человеческих чувств и поведения, воздух и атмосферу времени, которое ушло и никогда не повторится. Даже выбор лиц, типажность, портретность в этом фильме сделаны с необыкновенно тонким ощущением эпохи и людей. Вот, очевидно, почему и впечатления от этого фильма оказались такими сильными. Раньше, при первых просмотрах, это время было еще совсем рядом, узнавая его, мы больше радовались верности изображения. Сегодня — это уже целая эпоха, отошедшая в прошлое, сегодня — это эмоциональная хроника тех лет, поэтому она так волнует и трогает. Ведь это о нас — о тех, кому под семьдесят или немного больше... Мы уже не только зрители, мы — как бы герои фильма, его персонажи, у нас с ними общая судьба...

В этом фильме окончательно определились режиссерский почерк Кулиджанова, его рука и манера, которая отчетливо читалась во всех последующих его работах. Я не собираюсь вдаваться в анализ его режиссуры, критики сделают это лучше... Но все же не могу не сказать, что делает творчество Кулиджанова особенно привлекательным для меня. Это особая доверительность тона, точность и тонкость в деталях, отменный вкус, никогда не изменяющий ему, негромкость повествования, может быть, даже ведущая к излишней сдержанности. Но лично я предпочитаю эту сдержанность той форсированной режиссуре, которой иные пытаются искусственно подогреть свое произведение.

А еще очень тонкий и мягкий юмор, тоже отмеченный высоким вкусом. Этот юмор не доводит человека до громкого смеха, а вполне удовлетворяется доброй улыбкой.

Следующей работой Кулиджанова был фильм «Отчий дом», снятый на этот раз самостоятельно. Для меня как сценариста ленты это была очень памятная работа, первая, которая принесла настоящее удовлетворение и от результата, и от самого процесса работы с режиссером. Поэтому мне особенно приятно вспомнить, как она начиналась.

Шла вторая половина пятидесятых годов... Оба мы уже вкусили от сладости первых успехов, стали подзабывать голлоду студентческих лет (оба заметно пополнили), тем не менее был наш во многом еще довольно строг, если не суров, оба жили в крайней тесноте и уже начинали обижаться на нее.

Комната Кулиджанова, где он обитал с женой и маленьким сыном, находилась в маленьком деревянном флигельке, спрятавшемся за спиной большого дома на Зубовском бульваре. Иначе как «пеналом» ее трудно было назвать — два с половиной шага в ширину и четыре с половиной в длину.

Полностью очерк будет опубликован в сборнике, подготовленном в издательстве «Искусство».

В этом пенале размещались тахта, кровать сына, шкаф и старинное бюро. Однако, чтобы разойтись двум людям в этой комнате, надо было придержать друг друга за талию, так что получалось что-то вроде тура вальса. Вот в этом пенале и состоялись наши первые переговоры о будущем фильме.

Замысел мой Кулиджанову понравился, но... работу пришлось отложить. Очередное обострение болезни легких — память и наследие тяжелых военных и послевоенных лет — уложило его в больницу. А после больницы необходимо было отправиться на долечивание в санаторий. Названия этого подмосковного санатория я уже не помню, но зато явственно сохранилась в моей памяти комната, где разместили тогда уже известного режиссера. Отдельных палат в том скромном профсоюзном санатории никогда не бывало, но чтобы мы имели возможность работать, врач отдал Кулиджанову свою ординаторскую.

Эх, не мы одни были бедны тогда, вся страна только-только выходила из бедности, и эта ординаторская точь-в-точь напоминала уже описанный выше пенал. Только обстановка там оказалась еще более скудной — узкая железная кровать, тумбочка, сосновый канцелярский стол и единственный табурет. И страшно мазались побеленные известкой стены.

И все-таки в этой «каморке», нисколько не удручаясь ее убогостью, мы провели много прекрасных вечеров! (Днем я работал, снимая угол в соседней деревушке, а вечерами приходил к Кулиджанову). Сценарий написан удивительно быстро, был принят на Студии имени М. Горького, и началась работа над фильмом.

Довольно скоро определилась исполнительница главной роли — Л. Марченко, тогда еще студентка второго курса ВГИКа. На другую женскую роль Кулиджанов решил пригласить Н. Мордюкову.

И тут я бы хотел вспомнить еще об одном из сильнейших режиссерских качеств — Л. Кулиджанова — его умении увидеть актера в будущей роли.

...Это было, когда он приступил к работе над сценарием Н. Фигуровского «Когда деревья были большими». Как известно, в главной роли снялся Ю. Никулин, тогда еще совершенно не известный как киноактер, зато известный клоун (Кулиджанов, всю жизнь большой поклонник цирка, давно уже оценил Никулина на манеже). Но мало кто знает, что у Никулина был предшественник — народный артист СССР В. Меркурьев. И тут я должен признаться, что, когда Лев Кулиджанов дал мне прочитать сценарий, он мне как-то не показался, потому что главный герой не понравился — что-то в нем напоминало мне Паниковского из «Золотого теленка».

— А ты представь себе в главной роли Меркурьева, — сказал Кулиджанов.

Я попытался, но не сумел, и тогда Лев Александрович стал рассказывать, как он видит актера в этой роли, как сама актерская фактура и могучая фигура В. Меркурьева поворачивают литературный образ и да-



ют ему совершенно новые краски. Особенно отчетливо и забавно это выглядело в эпизоде, где герой в поисках легкого заработка вздумал торговать на колхозном рынке первыми цветами, собранными в лесу (позже этот эпизод выпал из фильма). Старушки, торговавшие такими же цветами, не потерпели конкуренции и взяли героя в оборот, гоняя по всему рынку. Слушая рассказ режиссера, я как бы увидел эти сцены, где бабки атакуют В. Меркурьева, и не удержался от смеха. Таким образом, замысел Л. Кулиджанова дошел наконец до меня. Однако из-за того, что Меркурьев был занят в театре и других фильмах, он не смог сниматься у нас. Но тогда фантазия режиссера сделала новый виток, и Кулиджанов пригласил Ю. Никулина. Выбор этот оказался снайперским выстрелом, немало способствовавшим успеху фильма. И тут надо напомнить, что Кулиджанов сделал много интересных открытий актеров (а я немало поучился у него в понимании того, как надо выбирать актера на роль).

Но вот что интересно — мне кажется, что многие герои Кулиджанова чем-то похожи на него. Ну хотя бы тем, что говорят таким же негромким и доверительным голосом. Может быть, кому-то покажется, что, скажем, у Родиона Раскольникова голос мог бы быть и погромче. Но ведь никто не может выйти из своего стиля, не потеряв органичности. А стиль, как давно сказано, — это человек. Поэтому даже такая титаническая фигура, как Карл Маркс, в фильме говорит голосом режиссера, тем самым негромким и спокойным голосом, который запомнился мне еще с коридоров ВГИКа.

Говорят, если ты хочешь, чтобы тебя услышали, надо говорить громко. Если же ты хочешь, чтобы тебя слушали, говори тихо. Очевидно, Кулиджанов помнит об этом, поэтому его всегда слушают очень внимательно, а негромкий голос его слышен все же очень далеко.

Будимир
МЕТАЛЬНИКОВ.

● Л. Кулиджанов на съемках фильма «Преступление и наказание».